

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор семи книг прозы. В «Волге» публикуется с 1999 года.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ОДЕССА. 80-е»

В Александровском садике

Живописец-модернист Борщик поспорил со скульптором Морозом, кто важнее для искусства – Джотто или Сезан. Для Мороза спор кончился нехорошо. Дело в том, что он всегда носил с собой небольшую хозяйственную сумку, в которой лежали молоток и зубило, как это принято у скульпторов. Когда у Борщика кончились аргументы, он схватил эту сумку за ручки и ударил Мороза по голове. Это произошло в Александровском садике, где они сидели на скамейке и пили кагор «Южнобережный» из одной бутылки – по очереди.

Мороз упал.

– Мока! – воскликнул Борщик, увидев неподвижно лежавшего в траве товарища. – Ты живой?

Поскольку Мороз не отвечал, Борщик взял его за ноги, оттащил в глубь газона и там присыпал палой листвой.

Был поздний октябрь. Вороны кружили в небе и каркали – то ли пытались привлечь внимание к преступлению, то ли прощались с Морозом, чья душа в своем движении вверх – к небесам – пересекла маршрут их собственного полета.

Борщик взял сумку товарища и пошел куда глаза глядят, прочь от страшного места. На Жуковского он спустился в подвальчик под «Бакалеей», где встретил монументалистов Сыча и Столпера. Они налили ему стакан шабского, и он, осушив его залпом, сообщил им, что только что содеял. Сначала они ему не поверили. Тогда Борщик, в качестве доказательства, показал товарищам сумку Мороза с инструментами, с которой тот никогда не расставался. Это был, конечно, неоспоримый довод, поэтому Столпер взял еще три стакана вина, чтобы они могли спокойно решить, что делать дальше.

Предложений было два. Первое: поселиться на даче Сыча за 16-й Фонтана и там провести несколько месяцев, сделав вид, что на момент совершения преступления Борщика в городе не было.

В это время продавщица Женя, протирая полотенцем мокрый прилавок, крикнула:

– Валя, ты мне за два стакана портвейна еще с прошлого раза должен, ты не думай, что я забыла!

– Курва, – сказал Борщик. – С такой спрячешься.

Поскольку первый вариант с дачей отпал, перешли ко второму: пойти в милицию и во всем сознаться, потому что чистосердечное признание облегчает наказание. В СССР это знал каждый пионер.

– Только подать это нужно профес-с-сионально, – сказал Столпер. – Чтобы с-следователь мог проявить с-снис-схождение, ты меня понял?

– Какое профессионально? – заметил Сыч. – У него лыко не вяжет ни хрена.

– Та вяжет у меня лыко, в натуре, – возразил Борщик. – Но мозг немного затуманен. Это – да. Я бы лучше завтра утром опохмелился и тогда уже пошел сдаваться.

– Верное решение, – одобрил Сыч. – Но текст сдачи нужно приготовить заранее. Пойдем в «Оксамит», там должны быть Аристов и Блюхер. Они тебе такое алиби придумают, что любой прокурор слезами обольется.

Поэт Блюхер и прозаик Аристов сидели в «Оксамите» и говорили о своем месте в мировой литературе. Перед ними стояли два стакана аллигатора, а между ними лежал на развернутой обертке аккуратно поделенный пополам шоколадно-соевый батончик. Блюхер долго не мог освоиться с новостью.

– Валька Моку убил? Да я же знаю Вальку, он муху не обидит! Если и убил, то только в порядке самообороны. Тот на него, а Валька ему сдачи. Ну и не рассчитал. В это я поверю. И потом, за что ему его убивать, ну подумайте сами!

– За Джотто, – угрюмо объяснил Борщик.

– Не болтай чепухой, – отмахнулся Блюхер. – Кто этого Джотто вообще знает?

– Ну, я знаю, – сказал Аристов.

– Ты – писатель, тебе положено. А я про милицию говорю. Ты знаешь, кто там работает? Урфин Джюс и его деревянные солдаты!

– Тогда надо прийти всем вместе и с-сказать: тот на него напал, по-пьяне, про Джотто ни с-слова, конечно, а этот отбивался, – предложил Столпер. – Мы с-свидетели.

Помолчали, обдумывая, потом Сыч сказал:

– Как-то неловко получается, все-таки Мока был очень тихим парнем. Такой не мог напасть.

– Сыч, ты такую поговорку слышал: мертвые сраму не имут? – спросил Аристов. – Это я в том смысле, что Моке уже безразлично, что ты про него скажешь. А Вальку могут посадить лет на пятнадцать.

– Да-а, пятнадцать лет – не хер с-собачий, – согласился Столпер.

– Так, решено, выступаем свидетелями, – сказал Блюхер и поднялся с табурета. – Валя, не ссы, мы тебя спасем. В самом худшем случае год-два дадут, время пролетит – ты не заметишь.

Компания вышла на Карла Маркса и направилась, слегка покачиваясь от вечернего ветерка, в сторону Карла Либкнехта, где было отделение милиции. На углу они встретили скульптора Мороза. Тот стоял в сумерках сильно растрепанный и помятый, с приставшими к рубашке и брюкам листьями и окурками.

– Мужики, вы куда? – спросил он у товарищей.

– Вот, Вальку в тюрьму провожаем, – доложил Сыч. – Пойдем с нами, Коля, ты товарищ нам или кто?

– Я не могу, – ответил Мороз.

– А че так? – удивился Сыч.

– У меня голова болит, – объяснил Мороз.

– Вот такой ты товарищ – сказал Сыч. – На Вальку сейчас кандалы наденут, а у тебя голова болит.

Встреча с прекрасным

У Зины разошлась змейка в джинсах. Она поправилась в бедрах, и джинсы этого не перенесли. Зине было восемнадцать лет – время роста. Бабушка тогда посоветовала ей пойти к Лене в будку «Индпошива» под кирхой, он ей вставит новую змейку. Так она и сделала.

В будке помимо Лени, кроившего очередную пару брюк, был молодой художник Игорь Гербер, известный товарищам как Игорулик. Он сидел на краю стола, болтал ногами и курил.

При виде Зины, он сказал:

– Девушка, вот скажите, вы увлекаетесь искусством?

– Да, я увлекаюсь искусством, – не без вызова ответила Зина и покраснела от волнения. С ней еще так не знакомились.

– Я имею в виду изобразительным искусством, а не искусством в целом, – уточнил Игорулик и выпустил в потолок струю дыма.

– Увлекаюсь изобразительным.

– Тогда скажите мне, кто ваш любимый художник?

– Репин, – подсказал Леня, не отрываясь от кройки. – Картина «Приплыли».

– Леня, не подсказывай, – сказал Игорулик и снова обратился к Зине. – Нет, я серьезно. Может быть не один художник, а какая-то группа, или школа. Например, Барбизонская школа. Многим нравится.

– Я знаю барбизонский балет, – вставил Леня.

– Леня, – строго повторил Игорулик. – Не отвлекайся от работы.

– Мне нравятся импрессионисты, – сказала Зина. – Ренуар, Моне, особенно Клод Моне, Дега нравится. Его балерины. Сезанн нравится, но не весь. Некоторые вещи.

– Вот, теперь понятно! – сказал Игорулик. – Именно потому что вам нравятся импрессионисты, особенно Клод Моне и Дега, я хочу порекомендовать вам сходить на выставку молодых художников в худсалоне на бульваре. Знаете, где это?

– Знаю.

– Они сегодня открыты до пяти вечера.

– А вы сами художник?

– Да, я художник, и там есть мои работы. Моя фамилия Гербер. Игорь. Приятно познакомиться, а вас как зову?

– Зина, – ответила Зина и покраснела еще больше.

– Красивое имя, – сказал Игорулик. – Не часто встречается. Да, так вот там не только мои работы, конечно, это большая выставка. Настоящее событие. В Париже об этом бы все газеты уже написали, но у нас тут деревня, так что приходится заниматься саморекламой.

– Спасибо, – сказала Зина. – Я если буду там рядом, обязательно зайду.

– Зайдите, не пожалеете.

К концу этого разговора Леня кончил чертить мелом по разложенному на столе материалу и подошел к Зине. Та объяснила ему, что случилось, он посмотрел на полочку, сказал, что у него есть крепкая змейка УКК и проблема будет решена за пять рублей денег и полтора часа времени.

Зина вышла на улицу. Был полдень. Прозрачный сентябрьский воздух замер. Тени платанов застыли на израненном временем асфальте. Желтые пятна солнца слились со стенами домов.

«Как у Писсаро», – подумала Зина и тут же пожалела, что не назвала его в числе любимых. Она вздохнула, и чтобы убить даденные ей полтора часа, пошла неторопливо вниз по Петра Великого, потом свернула на Садовую, потом на Торговую, оттуда – на бульвар и через двадцать минут стояла у дверей салона перед афишей «Выставка молодых художников Одессы». В салоне не было никого, кроме пожилой женщины в черном костюме. При виде посетительницы она поднялась с низкого подоконника и радушно сказала:

– Проходите, милая, не стесняйтесь! А то, что посетителей нет, так даже лучше, никто смотреть не мешает. Проходите!

Вскоре после того, как Зина покинула Ленину будку, в нее ввалились два молодых человека: Паша Машковский и Саша Рисовский – художники. Они выросли на одном квартале с Ленею и продолжали дружить, хотя с точки зрения профессиональной, пути их разошлись. Дружбу укрепляло то, что часть Лениной будки, отделенная от производственного помещения занавеской, могла быть использована для личных нужд. И друзья часто использовали ее, особенно когда им нужно было распить бутылку вина. Не пить же в подворотне! К тому же у Лени всегда были стаканы, что делало мероприятие практически полностью культурным.

– Вас только за смертью посылать, – сказал Игорулик при виде друзей.

– Мы задержались, потому что Паша решил поспорить с продавщицей, на каком основании она у него требует документы при покупке алкоголя, если у детей такой бороды как у него не бывает даже в страшной сказке, – сказал Рисовский.

– Мы хоть пришли не с пустыми руками, – заметил Паша. – А что ты тут делал, трутень?

– Я не трутень, – возразил Игорулик. – Я послал на нашу выставку посетительницу. Так что хоть кто-то наши произведения увидит. И может быть, расскажет о них другим людям, а те – другим, и так постепенно-постепенно мы станем знаменитыми. Короче, открывай, говорить будем потом.

За занавеской Паша и Саша сели на продавленный диван, который стоял вдоль одной стены, а Игорулик на топчан – напротив. Паша открыл сумку и аккуратно разложил покупки на скамейке, которая стояла между диваном и топчаном. Помимо бутылки портвейна и двух бутылок алиготе на импровизированный стол легли кирпич ржаного хлеба, три сырка «Дружба» и пять конфет «Батончик соево-шоколадный».

Начали с аллигатора. Разлив, Игорулик поднял свой стакан и сказал:

– Ну, что пацаны, это наша первая большая выставка. Так что, как говорится, чтобы наша доля нас не цуралась!

– Давай, погнали, – согласился Рисовский и чокнулся с товарищами.

Не успели выпить, как из-за занавески показалась лохматая голова Борщика, за которым следовала его подруга Мина. У Мины были рыжие волосы, которые пребывали в таком состоянии, как будто бы Мину подключили к электричеству и волосы на это отреагировали соответствующим образом – встали дыбом, как иглы у дикообраза, сразу во все стороны.

– О, пацаны, я как знал, что вы здесь будете отмечать, – сказал Борщик. – Так что принимайте пополнение. Он поставил на скамейку бутылку Меришора, сел на топчан к Игорулику, а Мина тут же устроилась у него на коленях.

Борщик тут же налил всем по второму стакану алигатора, а себе, наверное, уже и не по второму, тут же предложив тост за успех нынешней и последующих выставок

начинающих мастеров, и чтобы кураторы из Лувра и из Модерн-арта гонялись за их полотнами, как за полотнами того же самого Джотто!

Все с удовольствием выпили за предложенное, тут же налив по третьей со словами «после первой и второй – промежутков небольшой».

Через полтора часа Зина вернулась за своими джинсами. Но не джинсы были у нее в голове, а увиденное на выставке. Бог мой, она даже не представляла, сколько прекрасных молодых художников живет в ее городе! Какие они талантливые, какое у них должно быть блестящее будущее! У нее даже появилась мысль, что если бы она снова встретила того парня, который отправил ее на эту выставку – Игоря, она могла бы поинтересоваться, можно ли приобрести хоть самую маленькую, самую малюпусенькую из этих работ. Например, натюрморт с пионами Александра Рисовского. Розовые лепестки на его полотне были просто как живые!

Она вошла в будку с волнением. Леня стоял у своего стола и кроил очередную пару брюк, вырисовывая плоским мелком плавную линию сиденья.

– Все готово, – сказал он и отложив мел, достал с полки аккуратно сложенные джинсы. – Нитки, конечно, не фирменные, но тоже неплохие. Подходит?

Зина даже не стала смотреть на работу.

– Вы знаете, Леня, я была на выставке, о которой говорил ваш друг Игорь.

– Ну и как, понравилось?

– Очень! Я просто не могла представить, какие это талантливые молодые люди.

– Встреча с прекрасным состоялась, – сказал Леня.

– Да! Именно с прекрасным. Я даже запомнила имена этих художников, – сказала Зина. – Гербер, Рисовский, Машковский. Как бы я хотела встретиться с ними, познакомиться, может быть подружиться!

– Ну, это я вам мигом устрою, – Леня положил мел на стол и поманил ее рукой. – Идите сюда.

Зина прошла в рабочую часть мастерской, а Леня, откинув занавеску, сказал:

– Вот они все тут, знакомьтесь!

Сначала Зине показалось, что она находится в кладовке музея восковых фигур. Все помещение было завалено телами. Машковский и Рисовский сидели обнявшись на диване. Рубашка на животе Машковского разошлась и его белый живот лежал на коленях, как если бы он был беременной женщиной с поправкой на то, что живот его был не по-женски волосатым.

Напротив этой пары сидели трое. В смысле двое, а третий, точнее – третья, лежала у них на коленях, откинув руки за голову, как если бы была сражена внезапной пулей. Стол был уставлен пустыми, понятное дело, бутылками. Хор храпов, то сливающихся в мощное крещендо, то распадающиеся на мелкие, в бурлящих завитушках потоки, сообщал зрительнице, что участники этой группы живы. Самый тяжелый и раскатистый храп был у Машковского. Самый тонкий, похожий не столько даже на храп, сколько на свист, был у Борщика. Женщина издавала звуки, которые начинались как вдох-стон и затем переходили в стон-выдох. Наверное, ей снился кошмар.

– Встреча с прекрасным, часть вторая, – сказал Леня.

Зина отступила на несколько шагов, приходя в себя, потом схватила джинсы, трясущимися руками достала из кармана пять рублей, бросила их Лене на стол и вылетела из будки.

Кассета Maxell Metal MX90

Витя Войцеховский купил себе кассетную дэку Akai со сквозным каналом и ферритовой головой и устроил оргию. Пригласил товарища Варелика, с которым они ходили на сходку менять пластинки, а тот привел девочек – Надюху и Фаину. Надюха была высокой, худенькой брюнеткой с короткой мальчишеской стрижкой и круглым татарским личиком. Фаина была маленькой, рыжей, веснушчатой.

Вечер начали с коктейля Войцеховского, который он делал из молдавского коньяка «Белый аист», кофейной настойки (кофейные зерна и водка) и пепси-колы. Обычно после бокала этого зелья девушки были готовы на все. Но в данном случае произошел сбой – Надюха объявила, что любит только Варелика и не станет трахаться с кем попало. В связи с этим между мужчинами на кухне произошел откровенный разговор, по итогу которого Варелик сказал хозяину хаты не без гордости:

«Чувачок, пойми, она меня любит. А у нас тут все по любви, верно? Так что бери себе Фаину и получай с ней свое удовольствие, она тоже неплохая девчонка».

Но прозвучало это как: «Чувак, Надюха предпочитает меня, и твой магнитофон Akai с ферритовой головой и светодиодными индикаторами ей до фени».

Они еще потанцевали под «Чери-чери леди», которую Войцеховский записал с пласта на кассету Maxell Metal MX90. Звук был обалденный.

Дальше Варелик увел Надюху в спальню, а Войцеховский остался с Фаиной в гостиной, чтобы быть поближе к Akai. Перед тем как лечь к нему на диван, Фаина сняла и аккуратно сложила свои брюки по стрелкам и положила их на спинку кресла, а сверху набросила белую блузку. Войцеховскому это понравилось.

Около одиннадцати Фаина сказала, что ей надо вернуться домой, и стала одеваться. Войцеховский проводил ее до такси и дал водителю два рубля, чтобы тот довез ее куда надо. Отъезжая, она помахала ему из опущенного окна.

Вернувшись домой, Войцеховский обнаружил, что Варелик и Надюха уже намиловались друг другом до немогу и теперь сидят на кухне и едят ложкой из кастрюли компот из яблок и абрикос, который мама сварила ему, когда приезжала с дачи. Когда Войцеховский сел к столу, Надюха спросила, понравилась ли ему ее подруга.

– Ниче, – сказал он. – Только какое-то у нее все детское. Ей бы немного мяса нарастить.

– Вот ты на ней женись, как порядочный парень, и нарасти, – посоветовал Варелик.

Когда все посмеялись, Надюха сказала:

– Витя, поставь музыку какую-то, а?

Витя пошел к магнитофону и обнаружил, что кассета Maxell, которую он оставил на нем, пропала. Он стал искать, сам себе не веря, что мог переложить ее куда-то и забыть, потом спросил Варелика, не брал ли тот ее. Нет, не брал. Наконец он выпустил наружу давно тлевшее в голове подозрение:

– Неужели Фаина сперла?

– Вот те нате, – сказал Варелик. – А ты на ней чуть не женился!

– Кассету жалко, – сказал Войцеховский. – В торгсине, между прочим, купил.

Бессонной ночью, пока Варелик с Надюхой продолжали за стенкой свои любовные труды, откуда только здоровье берется у людей, Витя решил найти эту Фаину и выручить свою кассету.

Вопрос, как ее найти, не стоял, потому что все искали и находили друг друга на Дерибасовской. И действительно, двух дней не прошло, как он ее там встретил. Она даже зарделась при его виде: от радости ли, от смущения – не поймешь. Ну, поговорили о том о сем, вспомнили былое и условились встретиться. Вот и все: процесс пошел, товарищи!

Фаина жила на Молдаванке. Входишь во двор – колонка, простыни на веревках, балконы по периметру, она – в конце двора, в беседке. С ней рыженький, как и она, мальчоночка лет трех. Твой? Она кивает и улыбается. Мальчоночка к нему подошел, смотрит на него, и такая у него надежда в глазах, что у Войцеховского даже сердце екнуло – чего это он?

Погуляли вокруг дома, на углу он всем приобрел по шоколадному пломбиру по 19 копеек. Они еще посидели на перилах, поговорили о том о сем: музыка, ей итальянцы больше всего нравились, особенно Челентано, еще про джинсы: ему – 505-й Левис, надеваешь, они на тебе как влитые, а ей – Лаки Брэнд.

Мальчонка, Борей его звали, весь, конечно, в этом пломбике перемазался. Она вытерла его и при этом улыбалась смущенно, мол, такая вот у меня жизнь. Он, естественно, спросил, когда они теперь снова увидятся. Она ответила, что едет в командировку в Тбилиси, у них там смежное предприятие, но оставила телефон и сказала, когда вернется.

– Ты там поосторожней, – сказал он. – Грузины, говорят, дикие люди.

– Южный темперамент, – согласилась она. – Но ты не волнуйся, я туда не первый раз еду. Так что имею представление.

– Ну, если у тебя там знакомые, тогда, наверное, не так страшно.

– Да, есть кое-кто, – кивнула она.

Ночью он лежал и вспоминал, как она своего Борю утирала и улыбалась ему смущенно. Что-то в этом было теплое, домашнее.

Через неделю он ей позвонил. Вернулась? Да, вот только вошла. Хочешь зайти? Ну конечно! Приходи в десять или даже в начале одиннадцатого. Борька уже будет спать и мама тоже.

В коридоре она обняла его как родного, постояла так с минуту, потом повела в свою комнату. В комнате разложенный диван, подушки, красный клетчатый плед, письменный стол у окна, трельяж в углу, кресло, на этажерке – книги, портативный двукассетник Sharp, и возле него с полдюжины кассет. Он сразу увидел свой золотой Maxell и даже засмеялся от удовольствия.

У него была с собой бутылка фетяски и, пока они пили, он спросил:

– Ну, как Тбилиси? Понравился?

– Да, веселый городок, – ответила она и улыбнулась, глядя куда-то поверх его головы, словно вспоминала что-то свое, его не касавшееся. Потом, заметив его взгляд, вернулась обратно.

– Ботанический сад очень красивый. Цветы тропические, лианы, бананы, фазаны ходят.

Любовью они занимались под музыку Адриано Челентано. Диван скрипел, Фаина стонала, зеленые и красные блики от светодиодов отражались на потолке, было хорошо.

Войцеховский проснулся, когда Фаина еще спала. Круглый будильник, громко тикавший на столе, показывал семь. Было солнечно, голуби ворковали за окном, кто-то набирал воду в ведро. Он неслышно поднялся с дивана, оделся, потом взял свою кассету и положил в задний карман джинсов. Миссия была выполнена. Он неслышно ступил из комнаты в коридор и увидел там мать Фаины. Большая, с тяжелым отечным лицом, в

просторной белой ночной сорочке она смотрела на него мутным взглядом. Рядом с ней стоял Борька.

– Ты что, уходишь? – спросил он.

– Да, дела, – ответил Войцеховский.

– А мороженое еще пойдем кушать?

Он не успел ответить, женщина подтолкнула мальчика к приоткрытой двери ванной.

– Шевелись, давай. Пока зубы не почиштишь, никаких вопросов.

Когда они скрылись из виду, Войцеховский открыл дверь и спустился во двор. Здесь он осмотрелся и, увидев проход между двумя флигелями, нашел в нем дворовой туалет. Выбирая островки относительной суши в зловонной желтой луже с холмиками хлорки, он добрался до отверстия в бетоне, приспустил тугие Левиса и вздохнул с облегчением. В этот момент кассета выпала из заднего кармана и, упав в лужу, громко треснула. Он обернулся и увидел, как мутная жижа заполнила пластиковую упаковку. Он не стал поднимать ее, а только подтолкнул ногой в темное отверстие.

Через несколько дней, он встретил на Дерибасовской Варелика, и тот сообщил, что у него есть для него хорошая новость.

– Ну, давай, наливай, – сказал Войцеховский.

– Мы с Надюхой вчера посмотрели на моем видаке «Эммануэль», и она решила попробовать с двумя.

– Ну, а я тут при чем? Я же ей не понравился.

– Она говорит, что она к тебе присмотрелась и типа привыкла. Ну и потом эта Фаина о тебе тоже хорошо отзывалась.

Войцеховский, помолчав с минуту, сказал:

– У меня для твоей Надюхи есть плохая новость.

– Какая же? – спросил Варелик.

– Ее подруга Фаина поехала в Тбилиси, привезла оттуда трипак и наградила меня. Так что я сейчас на излечении.

– А выглядит тихоня-тихоней, – сказал Варелик. – Ну, ничего, чувачок, не расстраивайся, трипак – не сифон. Саша со Среднефонтанской за сороковник тебя отремонтирует, будешь как новый.

– Уже ремонтирует, – доложил Войцеховский. – Но вы пока себе кого-то другого подыщите.

– Ну, чувачок, это не проблема, ты же понимаешь. Так что давай, выздоравливай.

– И ты не болей, – сказал Войцеховский. – Успехов!